

3 А СВОЮ долгую жизнь—22 марта мне минуло восемьдесят лет — я не только пел и снимался в фильмах, как считают очень многие, особенно молодые люди, но и писал стихи, играл в театре драматические роли, танцевал и упражнялся на трапеции.

Я часто брался за перо. Стихи и песни — само собой. Нередко писал короткие рассказы и скетчи — исполнял их с эстрады. Новеллы об Одессе — они несколько лет назад опубликованы в журнале «Москва». Когда же чувствовал настоятельную необходимость поделиться с людьми своими мыслями об искусстве, об эстраде, о песне, рождались статьи, книги-размышления.

Конечно, я не был трагическим актером. И роль Раскольникована играна была мною в молодости скорее из озорства, чтобы показать, что все могу. Это было в середине 20-х годов, когда я не нашел еще своего окончательного места в искусстве. Ведь начинал я в провинциальных театрах миниатюр на всяческих ролях: от лакеев до восьмидесятилетних графов (это в неполные девятнадцать!). Играл вместе с Мамонтом Дальским, пел в оперетте (особенно удачно — Бони в «Сильве»), выступал с В. Хенкиным в эстрадных скетчах. Однако все это меня не удовлетворяло, и я «переметнулся» в драму, в петербургский «Свободный театр», где периодически выступали тогда Е. Корчагина — Александровская, В. Давыдов, Е. Тиме и другие корифеи.

Сама система работы в этом театре была очень своеобразна. Читая пьесу, мы определяли, кто из актеров лучше исполнит ту или иную роль независимо от того, в каком театре он играет. И у нас выступали многие «академические» артисты. Некоторые из Александринки отдавали нашей сцене больше времени, чем своей. Я тоже продолжал одновременно играть в оперетте, Театре Сатиры, читал с эстрады рассказы Зошенко, Бабеля, стихи Багрицкого, Уткина. И эта «синтетичность» так не давала мне покоя, что был задуман «бенефис», этаким галла-спектакль, который я назвал «От трапеции до трагедии». «Утесов—Раскольников? Опереточный Менелай и Достоевский. Предстоит «гросс халтура», говорили в городе.

Я должен был выступать в роли гимнаста и танцора — в паре с балериной, — в роли певца и скрипача, рассказчика, гитариста, в опереточных дуэтах, скетче, дирижером «комического хора», цирковым рыжим эксцентриком. И, наконец, трагиком вместе с выдающимся актером К. Яковлевым — Порфирием. Спектакль шел с восьми вечера до двух ночи. Вскоре появились рецензии: «Трюка не оказалось. Был уморительно смешной Менелай. А следом за ним появился Раскольников, и едва только он переступил порог кабинета судебного следователя, как вы тотчас же почувствовали, что этот человек живьем выхвачен со страниц романа Достоевского. Контраст с Менелаем производил ошеломляющее впечатление». Кончалась рецензия такими словами: «Было бы большой близорукостью решить сейчас, какая стихия Утесову ближе, комическая или трагическая».

Правда, для меня такого вопроса не существовало. Я знал, что я не трагик, а артист эстрады. К этому времени я решил это твердо, хотя не выбрал еще определенный жанр. Продолжал и петь, и читать рассказы и стихи, хотя, когда я решил читать со сцены И. Уткина и Э. Багрицкого, надо мной смеялись: «Не получится, Багрицкий — не Зошенко». А когда я задумал петь песни о гражданской войне, предостерегали: «Не выйдет, это вам не комические песенки».

Я пришел в искусство рано, мальчишкой. И сразу понял, что это не увлечение, не блажь. Что это навсегда. Слова Белинского о том, что нужно любить театр, жить им и умереть в нем, своим смыслом и внутренним жаром вошли в меня, зажглись в душе еще до того, как я их прочитал.

Я пришел в театр с одесской улицы. Из города, полного юмора, мелодий, песен и стихов. Этот город, его музыкальность, песенность говора, звонкая шутка, юмор, который, кажется, носится в воздухе, звучит в строе фразы и речи, теплота и лиричность одесского характера, чувствительного, подчас даже излишне сентиментального, изливающегося в повседневной задушевной песне, — это пропитало меня на всю жизнь. Я остался одесситом и в душе, и на сцене.

Из всех видов театрального искусства эстрадное — наиболее массовое. По своей «портативности» и простоте форм оно наиболее доступно широкому зрителю. Песня, крылатое слово, куплет подхватываются, передаются из уст в уста, становятся достоянием миллионов. Юмор... Народ любит меткую шутку, пародию. Я считаю, что из театра люди должны уходить радостными, заряженными оптимизмом. Надо играть так, чтобы, как писал А. П. Чехов, от смеха все полопались, чтобы наутро из театра сотни три пуговиц выметали.

Эстрада — это и художественное слово. Я читал произведения очень многих советских авторов, иных, как говорится, вывел на сцену. Даже получил в свое время премию на Всесоюзном конкурсе чтецов вместе с Сергеем Балашовым, Дмитрием Журавлевым, Игорем Ильинским, Василием Качаловым, Эммануилом Каминкой, Дмитрием Орловым, Владимиром Яхонтовым.

И все-таки знают меня больше всего как исполнителя песен и руководителя эстрадного оркестра, давшего жизнь самым разным популярным мелодиям. Было их множество, лучше и хуже. Эти песни пела

вся страна. Не только потому, что авторами текстов были М. Светлов и А. Сурков, С. Кирсанов и Е. Долматовский, В. Лебедев-Кумач и другие замечательные поэты, а музыку писали выдающиеся композиторы-песенники — В. Соловьев-Седой, И. Дунаевский, М. Блантер, К. Листов, А. Островский, Б. Мокроусов, Д. Покрасс, М. Фрадкин, М. Табачников, Л. Книппер, Н. Богословский, Е. Жарковский. Эти песни были созвучны эпохе, были нужны людям, стране.

Гоголь писал, что под песни баб пеленаются, женятся и хоронятся русский человек... Под песни рубятся из сосновых бревен избы по всей Руси. Под песни мечутся из рук в руки кирпичи и, как грибы, вырастают города... По Волге, от верховья до моря... заливаются бурлацкие песни. Песни ямщиков, старинная казачья поется у Черного моря и на Севере, на плывущей льдине, где бьют кита. Вся жизнь русского человека от рождения до смерти сопровождается песней. И тут же спрашивал: «Что в ней, в этой песне? Что зовет и рыдает, и хватается за сердце? Какие звуки болезненно лобзуют и стремятся в душу, и вьются около моего сердца?» Обратите внимание, именно слово «сердце» Гоголь повторяет дважды. Да, песня, хорошая песня, поется сердцем и «хватается за сердце». «Нам песня строить и жить помогает» — замечательные слова написал поэт Лебедев-Кумач! В дни Великой Отечественной войны песня помогала преодолевать боль разлуки, требовала отпущения, вела в бой. Вспомните «Священную войну», «Катюшу», «Темную ночь». Недаром именем песни — именно песни, а не девушки — называли

бравшиеся в Москве на совещания передовики производства или колхозники на слете в Кремлевском дворце запевали после «Интернационала» «Марш веселых ребят». Под него же закрылся в 1937 году в Лондоне Конгресс мира и дружбы с СССР. В том же году в Испании в дни боев за Мадрид Поль Робсон спел среди бойцов интернациональных бригад «Широка страна моя родная». Вся страна пела «А ну-ка песню нам пропой, веселый ветер».

В те годы массовая песня была открытием, даже открытием. Именно советский стиль жизни породил тогда жанр массовой бытовой лирической песни. И созданный мною в те годы оркестр — первый советский джаз, взявший на вооружение эту массовую лирическую песню, во многом помог ее популяризации и у нас в стране, и за рубежом. Огромную роль сыграл здесь фильм «Веселые ребята», созданный на основе программы оркестра «Музыкальный магазин». Фильм этот, как я убедился после его повторного проката, знают, любят и в наши дни. Наш джаз узнали и полюбили миллионы зрителей в стране. За рубежом же он донес жизнерадостное творчество советских людей, показал их талантливость, умение не только работать и строить, но веселиться, петь и шутить.

Чарли Чаплин сказал об этой ленте: «До «Веселых ребят» американцы знали Россию Достоевского. Теперь они увидели большие перемены в психологии людей. Люди бодро и весело смеются. Это — большая победа».

С тех пор прошло почти сорок лет. Настали иные времена. Мы дожили до международных конкурсов эстрадной песни. Они ежегодно проходят в Польше, в Болгарии, во многих других странах. Изменились специфика и само существо эстрадной песни. Часто она выражает глубокое философское содержание и потому требует и более сложных средств музыкальной выразительности. Стало меньше маршевых ритмов — больше протяжности, лири-

ки, истоки которой мне видятся в замечательных лирических песнях военного времени. Родается лирико-пасторальная, драматическая, веселая, сугубо танцевальная, интимно-лирическая песня. Как говорится, новые времена — новые песни. Нужны песни новые, МАССОВЫЕ.

Отрадно одно — и это чрезвычайно греет мое старое сердце. Пусть массовая песня, лирические мелодии прошлых лет на современной эстраде исполняются иногда с полумором, как бы в рубрике «Из забытого». Но не уходят они из душ и сердец людей. И даже не только среднего возраста, но и совсем молодых. Я знаю случай, когда один очень популярный певец начал исполнять «Сердце, тебе не хочется покоя» в «современном», так сказать, ритме и колере — пританцовывая и вихляясь. И рабочий сцены после концерта сказал ему: «Вы это не трогайте, это для нас святое».

А послушайте любой концерт по заявкам — лирические песни военного и даже довоенного времени собирают очень большое количество голосов. Конечно, трудно предсказать заранее, какая песня промелькнет метеором, а какая выживет. Тут нужна проверка временем. И все-таки, скажем, ясно, что такие вещи, как «Нежность» А. Пахмутовой, «Вьюга смесала землю с небом» А. Островского, «Люди уходят в море» А. Петрова, не однодневки, они проживут гораздо дольше, чем иные модные «шлягеры», вышедшие на эстраду одновременно с ними.

Я спел на своем веку очень много песен, из них можно составить роман-эпопею — и о человеческих судьбах, и о событиях нашей страны. Здесь и лирические главы, и странички, посвященные труду советских людей, воспевающие героев войны, наберется целый том песенной юмористики. Многие из этих песен живут по сей день. Представьте себе мои чувства, когда я узнал, что с моей песней поднимался в космос первый человек Земли — Юрий Гагарин.

— Юра, ну, ты не скучаешь там? — спросил его Павел Попович.

— Если есть музыка, можно немножко пустить.

— Ну как, есть музыка?

— Дали про любовь. Слушаю Леонида Утесова.

А вот запись в дневнике Владислава Волкова: «20 июня в 9 ч. 15 м. все сели на связь слушать «С добрым утром», где должны были прозвучать по заявкам наши песни. Для меня исполнили «Нежность», для Виктора «Как хорошо быть генералом»... Для Жоры, конечно, Утесов, об Одессе».

Да, моя жизнь прожита не напрасно. Мое дело — мои песни стоили того, чтобы отдавать им всего себя, свою душу, время, жизнь.

Я счастье знал
и тревогу,
Шагая с друзьями в ряд,
Но с песней я начал дорогу
И с песней по жизни иду.
Как рогатый простой
запевала,
Я шел с ней сквозь ветер
и дым,
А голоса коль не хватало,
Я пел ее сердцем своим...
Я песню отдал все сполна,
В ней жизнь моя,
моя забота,
Ведь песня людям
так нужна,
Как птице крылья
для полета.

Это одна из последних песен И. Дунаевского на стихи М. Матусовского — «С песней по жизни». Почти каждую строку этой песни я могу отнести к себе. И не только потому, что пел ее. Каждую из спетых мною песен я пел своим сердцем и в каждой оставил частичку его тепла.

мастера
искусств
о себе

Леонид УТЕСОВ

Я
ПЕСНЕ
ОТДАЛ
ВСЕ
СПОЛНА

в дни войны победоносное оружие, помогавшее нам воевать.

А «Подмосковные вечера»... Эта песня стала как бы предом советского искусства за рубежом. В годы «холодной войны» она открывала, как заветный ключик, сердца людей, которые оттаивали и начинали излучать добро и тепло нашей стране. Такая счастливая судьба у многих талантливых советских песен, которые знает теперь весь мир. А началось это признание еще в 30-е годы. Я знаю много случаев, когда со-